

Он всегда был равен самому себе

Как мы с ним познакомилась

Геннадий Лисичкин: При жизни человека мало задумываешься над тем, что он значит для каждого из нас и для всех вместе. И это понятно. Одно ошибочное, неверное движение способно в одночасье перевернуть даже то доброе, что было сделано когда-то. И только смерть позволяет сказать, насколько успешно человек выдержал труднейшее испытание, жизнью. Лен Карпинский выдержал его с честью.

Мы познакомилась с Леном в 1965 году, работая в «Правде». В той самой, которую сейчас многие готовы зачеркнуть, перевернуть, выбросить. А ведь там работал тогда и Карпинский. Несет ли он ответственность за центральный орган? Несет очень большую ответственность. Будучи членом редколлегии, это он отстаивал и защищал бунтарские статьи Ю. Черненко; это он поддерживал редактора с/х отдела А. Волкова, разглагольствовавшего «Правду» такими авторами, как Яшин, Тендряков, Георгий Радлов и др., это он с Георгием Куницыным стремился помочь талантливым писателям и артистам.

Чтобы быть членом коллегии той «Правды», надо было уметь соответственно носить свое тело, уметь говорить немногословно, через губу, т.е. полуснисходительно, полупрезрительно. У Лена это не получалось. Это его дело, его беда. Но своей манерой говорить с людьми по-людски, будь то начинающий автор или литсотрудник, он заражал многих вокруг. Так поправилась борско-партийная атмосфера газеты.

Егор Яковлев: Я с Леном познакомился на Венском молодежном фестивале в 1959 году. Нас готовили очень серьезно: Сергей Павлов, ставший секретарем ЦК ВЛКСМ, предупредил о том, что из Западной Германии перебрасывается несколько грузовиков с проститутками, которые будут заниматься исключительно советскими журналистами. Кстати, когда мы ехали обратно и весь поезд был пьяный, горно обсуждалась проблема: где же, наконец, обещанные Павловым проститутки? Лен, который в это время работал главным редактором «Молодого коммуниста», на фестивале руководил Информцентром. Уже под конец фестиваля я слонялся вечером по Праге. И вдруг столкнулся с этим руководителем, несущим огромную бутылку вина. Он предложил всем вместе распить ее и в этом завершить фестиваль. Потом он работал в «Правде», а я в том же корпусе в «Советской России». Однажды он прибегает ко мне и говорит: «Егор, где у тебя можно спрятаться?» «А в чем дело?» — спрашиваю. «Ты понимаешь, Леськин муж бегает за мной с пистолетом. Пока только грозит, но может и стрелкнуть». Я ему говорю: «Ну прятаться в шкафу». И он встал сбоку за шкаф, постоял, постоял, после чего показал мне уже совсем родным. Вскоре Лоса стала женой Лена.

Юрий Торсуев: Мы познакомилась с Леном в начале 50-х. Он тогда был завотделом ЦК ВЛКСМ, а я — секретарем обкома комсомола. Я приехал в Москву с идеей проведения комсомольских диспутов. Тогда само это слово еще вызывало большие сомнения. И буквально с первой нашей встречи с Леном мы почувствовали духовную близость. Наиболее тесно мы сотрудничали в начале 70-х годов. Я работал в издательстве «Прогресс», и я предложил Лене стать заведующим новой редакцией — научно-коммунистической. Кстати, назначение шло не просто: еще свежо было воспоминание о скандале вокруг его в Бурлашском театральном центре. Тем не менее мы победили. А в 75-м случилась беда: Леном занялись органы. Я тогда пошел в ЦК партии и сказал, что, может быть, в поведении Карпинского и есть нарушение партийной дисциплины, но зачем делать из человека, который так любит свою родину, врага и антисоветчика? Последовавшие вскоре заседание комитета партийного контроля Лен превратил в семинар для его членов о том, как надо понимать решения Х съезда партии о дискуссионных и о единстве. Естественно, из партии его исключили. Мне же как его начальнику дали лишь строгача. Правда, выгнали с работы.

Тимур Гайдар: Я познакомился с Леном, когда он из ЦК

ВЛКСМ перешел в «Правду» на должность редактора отдела пропаганды. Тогда он был весьма улитан, выглядел благополучным и начальственно-важничавшим. Однако настоящая история нашей дружбы начинается 21 августа 1968 г., в день, когда стало известно, что наши танки вошли в Прагу. Я был в отпуске, но немедленно помчался к Лене. Мы отправились в какой-то кабак, пили и долго говорили о наших окончательно разрушенных иллюзиях, о последствиях того, что произошло, о том, что надо делать.

Отто Лаиси: Толстого и важного Лена я не знал. Я с ним познакомился, когда его выгоняли из «Правды» и он пришел в «Известия». Но по-настоящему мы сблизились после 21 августа. В этот день я был в командировке в Ленинграде. Совершенно ошарашенные этой новостью, мы с моим коллегой и другом уехали на берег Финского залива и, сидя на пляже, слушали радио Белграда — единственное, которое почему-то не глушили. Не было сил ничего делать. А 22 августа я вернулся в Москву. В нашу большую комнату, где располагалась промышленный отдел, зашел Лен и сказал мне: «Давай выйдем». Мы пошли на Страстную бульвар, стали ходить взад-вперед, и он мне сказал: «Тимур готов застрелиться, чтобы всколыхнуть народное возмущение». Я сразу сказал, что не всколыхнет и что вообще стреляться не надо. Лен ответил, что уже говорил Тимурову же самое. Мы отправились к Тимурову на дачу в Дунино, где он проводил отпуск, и там обсуждали, как быть дальше. Сейчас все это кажется нивным, но на самом деле передат полное смятение и потрясение, в котором мы пребывали.

Т.Г.: После встречи втроем в Дунино мы привлекли еще Юрия Карякина и, сидя у меня на квартире, долго и упорно сочиняли манифест — обращение к народу, которое я должен был каким-то образом тиражировать и, используя свое пребывание за рубежом, передать в какие-то средства массовой информации. Но работа шла очень туго: Карякин непрерывно нас уводил в стилистические дебри, и мы никак не могли составить этот текст. Сроком моего отъезда в Югославию подошел, а текст еще не был написан. Мы договорились, что после завершения (уже без меня) он будет переправлен в Болгарию, куда я собираюсь приехать из Югославии. Получить его я должен был через Олега Ефремова, который в «Современнике» выезжал на гастроли в Софию. Однако никакое послание я от Олега не получил. Много времени спустя Карякин признался, что он нарочно все замолчал ради нашего спасения.

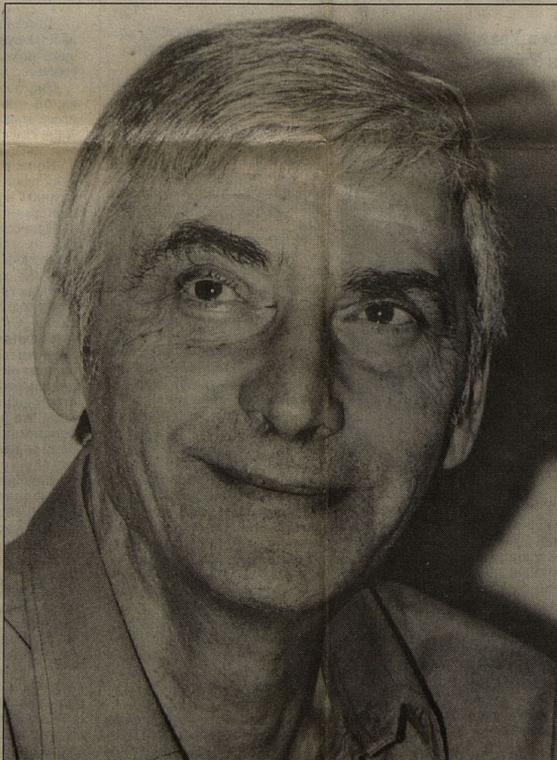
Как мы были подпольщиками

О.Л.: После событий 1968 г. стал складываться круг единомышленников. Было несколько сходок. На одной из них, на квартире у Егора, Лен прочитал нам свое сочинение «Слово тоже есть дело» объемом в печатный лист или даже два. Потом было обсуждение и он поставил вопрос жестко: надо издавать подпольный журнал. Организация, распространение, техника — все было в полном тумане, однако он разработал принципиальную идею. Мы согласились с идейной частью, но протестовали против полной растрепанности по поводу организационной стороны. Было очевидно, что в лучшем случае выйдет один номер журнала — первый, который станет и последним. Было ясно, в каком состоянии пребывало общество и до какой степени оно контролировалось органами. Кстати, история этого кружка показала, что плотность наблюдения за обществом была гораздо выше, чем все мы предполагали. Например, «Слово тоже есть дело» существовало скорее в единственном рукописном экземпляре. И, тем не менее, оказалось в КГБ. Это рукопись изыали у Роя Медведева. Она была анонимная, а Рой, по его словам, сказал гэбэшникам, что не знает, кто автор.

Е.Я.: Это очень важный момент. В это же самое время у Лена впервые должна была выйти книжка, в которую он собрал свои критические статьи о литературе и театре. Она была написана, слана, и он читал верстку. Как только у Роя Медведева наши рукописи Лена, лубянского

На сороковой день после смерти Лена Карпинского в редакции «Общей газеты» собрались его друзья:

- Ольга Кучкина,
  - Тимур Гайдар,
  - Отто Лаиси,
  - Геннадий Лисичкин,
  - Юрий Торсуев,
  - Егор Яковлев.
- Вспоминали Лена.

Как жить не по лжи в антимире

Фрагмент из выступления Лена КАРПИНСКОГО в Швейцарии в августе 1992 года на семинаре «Моральные уроки советской истории».

— Уважаемые господа! Я рискую подвергнуть вас испытанию нетерпеливым мышлением, поскольку с философией я соприкоснулся профессионально только 40 лет назад и думаю, что это была не философия, а штурдирование марксизма как высшей истины, не допускающей каких-либо других истин. Это, скорее, похоже на сон, чем на действительность. Моя жизнь толкает меня к тому, чтобы я изложил эту тему в автобиографическом плане. Тема: «Жить не по лжи» и величайшие трудности выполнения этого принципа. Конечно, это не Солженицын изобрел. Видимо, завет честности, правдивости существует тысячелетия. Но он был высказан в острой для нас время и сыграл свою роль. Насколько сложно его выполнение, вы можете судить только на примере моих замечательных взаимоотношений с ЦК ВЛКСМ. Во-первых, я родился в семье рабочих, а можно сказать, вступил в нее до того, как достиг соответствующего возраста, поскольку мой отец вместе с Лениным, в частности здесь, в Женеве, много лет подряд вынашивал и организационные, и идеологические основы этой партии. Затем, конечно, я воспитывался в семье своего отца, большевика до мозга костей. И никаких сомнений в детском и подростковом возрасте у меня быть не могло. Не могло быть сомнений в том, что я живу в мире абсолютной истины. Что касается всего за пределами этого мира, то как раз эта внешняя, за-

граничная, запретная жизнь и есть ложь, которая должна быть рано или поздно уничтожена.

Я четыре раз вступал в КПСС. Дважды мне отказывали. Дважды принимали. Один раз исключили «за взгляды несовместимые». И один, последний раз, я вышел 13 января 1991 года, в ночь после событий в Литве. Это, конечно, такие переломы могут показаться смешными. Но, в общем, это отражает эволюцию попыток преодоления лжи. Тут я вижу два процесса. Они взаимосвязаны, но все-таки различны, и один предшествует другому. Во-первых, надо было еще опознать ложь. И процесс опознания лжи занял огромное количество времени у людей, которые не испытывали никаких сомнений в том, что вся эта система, эта идеология — истина. Но потом встал другой вопрос. Вопрос, как действительно, что можно сделать после того, как ложь опознана и совершенно неопровержимо предстала своим отвратительным лицом. Тут я должен сказать о природе нашего общества, которая чрезвычайно затрудняла такое опознание. Под ложью я в данном случае имею в виду нечто онтологическое. Это не ошибка и не вранье отдельных людей, а, собственно, вся структура, весь социум, который мой друг и учитель профессор Гефтер назвал социумом лжи. Он настолько глобален и всеобъемлющ, что пока сам не начал расшатываться, не оставил никакой смотровой щели, возникла бы и выводилась бы, возникла бы нравственное требование вести себя соответствующим образом. Это и было самым трудным для большинства.

Но не партия, а, конечно, стержневой аппарат всеобъемлющей структуры власти. В этом необществе экономика есть, конечно, но экономика, а антикоммунизм, производящая не продукт, а процесс, в котором обязательно присутствует власть и через которой она, эта власть, сама себя накапливает. Всякий прогресс здесь, конечно, возможен — при условии прогресса в каком-то другом, более существенном человеческом отношении. Короче говоря, это некий антимир, что естественно, поскольку утопия, реализованная в действительности, вытеснила саму действительность, поставила себя на ее место и вывернула назнанку весь спектр отношений. Находясь в такой замкнутой капсуле, очень трудно различить ложь. И осознано-то это смогло быть только тогда, когда в этом монолите начали развиваться многочисленные трещины. Вот тут и возникла проблема, которую я и еще несколько человек среди которых были Юрий Карякин, пост Евгений Евтушенко, публицист Лаиси, адмирал Тимур Гайдар, сформулировали как проблему интеллектуальной совести. Может быть, и не очень удачно. Но для нас она имела инструментальный характер: как себя вести. Это не та совесть, которая природна или воспринята с молком матери, а та, которая от интеллектуального анализа спускается в эмоциональную сферу, становясь нравственным императивом. Если мы видим, что расклад фактов таков и выводы таковы, то возникает нравственное требование вести себя соответствующим образом. Это и было самым трудным для большинства.

Е.Я.: Для Лены были характерны странные взаимоотношения между устным словом и письменным. Все, что Лен писал, как правило, было долгим и, как правило, незаконченным. Через меня прошли, наверное, сотни страниц ленинских вариантов о бюрократии, о молодом Марксе, о многом другом, и он почти никогда не мог эти работы завершить. Некоторые говорят, что он плохо писал. Ничего подобного, он писал прекрасно, но был писателем, а не журналистом. Находясь в такой замкнутой капсуле, очень трудно различить ложь. И осознано-то это смогло быть только тогда, когда в этом монолите начали развиваться многочисленные трещины. Вот тут и возникла проблема, которую я и еще несколько человек среди которых были Юрий Карякин, пост Евгений Евтушенко, публицист Лаиси, адмирал Тимур Гайдар, сформулировали как проблему интеллектуальной совести. Может быть, и не очень удачно. Но для нас она имела инструментальный характер: как себя вести. Это не та совесть, которая природна или воспринята с молком матери, а та, которая от интеллектуального анализа спускается в эмоциональную сферу, становясь нравственным императивом. Если мы видим, что расклад фактов таков и выводы таковы, то возникает нравственное требование вести себя соответствующим образом. Это и было самым трудным для большинства.

О.Л.: Да, он всегда умел находить совершенно новое слово. А вот развить, обосновать — это ему просто было неинтересно. У Лены был удивительный талант общения. Но не в смысле «душа общества», хотя и это умело. Главней — он был генератором идей. Он получал большое наслаждение в разговорах на философские темы, причем в этих разговорах отдавал все. Я могу в своих книгах, статьях буквально показывать пальцем те места, которые родились в беседах с ним. И мне кажется, что он весь ушел в то, что раздавал окружающим. Его хватало на десятки людей, которые способны записывать, дорабатывать, доводить эти мысли, оснащать их фактическим материалом. Из него бил фонтан замыслов. Если собрать книгу из того, что он написал (а это, наверное, надо сделать), то она будет лишь малой частью того, что он создал.

Как он шел к себе

О.К.: Лен постоянно менялся. Сначала он был действительно толстым, я тоже помню его таким. Затем стал очень худым, со впадинами щеками. Менялись и его взгляды. Он был яростным коммунистом. Помню, как приходил в «Комсомолку» и говорил не то Панкин, но то Воронцов: «Кочетова мы вам в обиду не дадим». Потом отставал социализм с человеческим лицом. Потом боролся с коммунистическим тоталитаризмом. Но при этом всегда оставался равным самому себе. У него был глубокий ум и необыкновенно чистое сердце. И в то же время он всегда

был мальчишкой. **Т.Г.:** Мне кажется, что Лен в большой мере отражал противоречия русской интеллигенции с ее взлетами и падениями. Одна из ее отличительных черт — максимализм, в полной мере присущая и Лене. Надо добиться всего и сразу, а если не все и не сразу, то и не нужно. И еще одна черта: уверенность, что российские недостатки могут перейти в достоинство. Например, наша слабость — развитие, то, что мы по-настоящему не выварились в капитализме, множество других особенностей российского развития дают якобы возможность надеяться, что Россия найдет тот удивительный путь, который охватывает и ее, и все человечество. И когда это не получается, начинается искрення душевная боль интеллигента, неспособного мириться с тем, что придуманного добиться невозможно.

Е.Я.: Лен был очень сложным человеком. Например, его убежденность иногда соседствовала с жесткостью, с подчинением всего достигнутому поставленной цели. Приведу два примера событий, разворачивавшихся у меня на глазах. Я сижу в кабинете у Федора Бурлацкого, и они вводят с Леном собираются к Боре Панкину — главному редактору «Комсомольской правды» договориться о публикации статьи «На пути к премьеру». Возвращаются довольные, потому что Панкин согласился. Я спрашиваю: «Ребята, а вы сказали Боре, что Зияинин (тогда главный редактор «Правды») категорически запретил вам публиковать эту статью?» Они отвечают: «Сказали мы Боре или нет, не имеет значения, главное — опубликовать статью». Еще один случай. Евтушенко плавает на катере по Сибири, бегает там за какими-то девицами, а иркутский секретарь обкома комсомола начинает после этого противодействовать его выступлениям. Лен уговаривает Лёню Шинкарева, тихого иркутского собора «Известий», выступить против этого секретаря. Он выступает, и после этого Лёню начинают в «Известиях» буквально уничтожать. Я спрашиваю: «Лен, зачем ты это сделал? Неужели узавист секретаря иркутского комсомола для тебя важнее судьбы Лени Шинкарева?» Я не хочу давать никаких оценок, но эта жалкая кость, которую иногда провалил Лен, меня всегда поражала. Еще одно. Он не был совсем безразличен к карьере. Иначе он не был бы секретарем ЦК ВЛКСМ, членом редколлегии «Правды» и т.п. Однако при этом он не становился рабом материальных запросов, не променял на них внутреннюю свободу.

Ю.Т.: Лен для меня — типичный шестидесятник. Он одновременно и противоречив, и целостен. Главными его чертами, по моему мнению, были мощный интеллект, гражданское мужество Олго Кучкиной, бесшабашное мальчишество. Было бы неправильно назвать его карьеристом. Он просто хотел обрести прочную позицию, чтобы иметь возможность реализовать свои идеи и замыслы. Но никогда не считал свое служебное место выше или даже равным по значимости своим убеждениям. Невозможно представить его в роли человека, предающего свои взгляды во имя сохранения места.

Т.Г.: Он все о себе сказал сам, и все, кому надо, его правильно понял. **О.К.:** Лен безусловно хотел быть властителем дум, он был честолюбив, но очень высоким честолюбием. Он прошел свой путь. И не случайно, что на этом пути было много трагических излияний, вплоть до нищеты и болезни. Вообще всякая судьба — не случайна. Для чего-то жизнь ломала и Лена молодого, блестящего «карьериста». А делала она это для того, чтобы Лен освободился. Я думаю, что он был и жестким, и карьерным, и поклонником Кочетова, но он от этих одежек постоянно освобождался и мучительно шел по пути к свободе. И умер со спокойным и счастливым лицом, легкой смертью, обрета эту свободу, которая была для него самым главным.

Е.Я.: Знаете, мне кажется, что если бы Лен слышал наш сегодняшний разговор, он наверняка сказал бы: «Вы что, ребята, с ума посходили? Ну наговорил я там чего-то, а вы сидите и все время это обсуждаете? Дерьма-пирого...»

Материал подготовил Андрей ЛИПСКИЙ

Евгений Амбарцумов — посол России в Мексике — не смог принять участие в этой встрече, но прислал из Мехико свои воспоминания о Лене.

Мыслитель

Конечно, это звучит высокомерно, но Лен был им. Думая о нем, вспоминаю замечательную картину Нестерова «Философия». Два лица, два взгляда: у одного (о. Сергей Булгаков) — пылливый, глубокий, даже пронзительный, у второго (о. Георгий Флоренский) — мягкий, добрый, даже кроткий. В глазах Лена, который тоже был философом, хотя даже кандидатом философских наук не стал (при том, что для заработка когда-то писал хорошие диссертации за других), как бы слились оба этих взгляда. Та же глубина и пылливость, но без тени нетерпимости, а — великодушие и понимание. Не ангел, конечно, ничто человеческое не было ему чуждо, иногда, особенно раньше, делал не то. Как-то в разгар своих передряг (исключение из партии, изгнание с работы) вспоминал он свое комсомольское секретариство — сначала на философском факультете МГУ, потом в Горьковском обкоме, наконец, в ЦК ВЛКСМ — не без иронии, но и с таким примерным оттоком: теперь прошлые грехи мне отливает. Ибо, будучи секретарем, и выговора наवेशивал, и даже, кажется, исключал. Но теперь судя себя сурово и нелицеприятно.

Его времена иррациональное — ибо неадекватное — поведение ставило в тупик. Затеял он в конце 60-х критический журнал — неподольный, ибо даже посылал один экземпляр в Политбюро. Но именно эта затея и кончилась исключением из партии. Говорил тогда ему: «О чем ты думаешь? Иначе ведь и не могло кончиться!». В ответ он улыбался, как бы извиняясь: хотя в сущности был прав, действуя простодушно-честно с нашими геронтократами и их прихвостнями. Не оценили.

А ведь Хрущев, когда был на взлете, и его ближайшее окружение почувствовали интеллектуальную силу Лена и даже прочили ему высокую политическую карьеру. Не получилось, да и не могло получиться. Не умел, скорее — не хотел играть в аппаратные игры.

Еще одна черта Лена — незапятнанность. Известна история, когда Лена и его соавтор Выгнали из «Правды» за статью в «Комсомолке» против театральной цензуры. Выгнали, собственно, из-за соавтора, которого крепко не любил Голиков, самый косякий из помойщиков Брежнева. — Лена бы, возможно, простили по принципу «что с него (простодушного) возьмешь». Так вот, этот соавтор страшно злился на Лена за то, что тот стал частью в непопулярный момент. Лен не считал себя виноватым и вместе с тем отказывался строго судить соавтора, который в тот момент от него отшатнулся.

И заражал, что ли, Лен других своей незапятнанностью? На него невозможно было обижаться.

Наконец, ирония Лена — мягкая, необидная. С иронией относился он даже к своему покойному отцу — старому лубяшскому (Кстати, и назвали Лена так по совету — или по просьбе — Крупской). Помню, привез я ему из Пензы, откуда его отец был родом, фотографии таблички с названием «ул. Карпинского».

От Лена остались его отрывочные заметки «для себя». Но эти его фрагменты, судя по тем, которые я видел, сопоставимы со знаменитыми «Горемычными тетрадями» Грамши, написанными в том же жанре.

Кстати, о марксизме Лена. Ничего постыдного не вижу в том, что он его прекрасно знал. Уволил из Маркса то, что надо именно сегодня, — антропологизм и диалектику. Но в последние годы стал смотреть как бы поверх марксизма и не потому, что много читал из открывшейся, ранее недоступной литературы. Его интеллектуальное саморазвитие было плодом его философской интуиции и сократического «мышления влуд».

Наконец, главное, Лен был хорошим человеком, верным, понимающим другом. Поэтому все так любили и любят его. Слышите, Ленчик?

Главный редактор номера
Ольга ТИМОФЕЕВА

Автор дизайн-макета
Аркадий ТРОЯНКЕР

Технический редактор
Наталья НЕМТЫРЕВА

Ответственный секретарь
Евгений СЕМЕНОВ

Художественный редактор
Владимир БАБИЧ

Зав. корректуры
Светлана КАРТАШЕВА

